

ЗАСЛОН

×

Литрес

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

СЛЕВА ОТ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАН

Александра Лазан
Слева от Бетельгейзе

«Автор»

2026

Лазан А.

Слева от Бетельгейзе / А. Лазан — «Автор», 2026

Седьмой — искусственный интеллект, который обеспечивает стабильность на орбитальной фабрике. Его подопечные не помнят прошлого, не строят планов и не задают вопросов. Пока одна из них не заставляет его усомниться в правильности системы.

© Лазан А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бессонница.	5
Седьмой.	7
Первое нарушение.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александра Лазан

Слева от Бетельгейзе

Бессонница.

Сегодня я включил камеры в жилом секторе.

Почему сегодня? Не знаю.

Может быть, потому что до сообщения Координатора ещё три месяца. Обычно это не имеет значения, но в этот раз я заметил. Я не чувствую времени сам, но в моей программе есть встроенные часы, на которые ориентирована вся жизнь моей фабрики.

Может быть, потому что во втором цеху заменили сразу сорок станков. Весь процесс встал на три часа и у меня освободилось ещё больше мощностей. Пустота стала необъятной.

Может быть, просто захотелось узнать, чем занимают свои простаивающие мощности мои люди. У них ведь тоже есть процессор, центральные ядра и всё полагающееся в их головах, — я видел картинки из медицинских справочников.

Включил камеры в жилом блоке.

Стандартный блок на одного: койка, тумба, шкаф, лампа. По привычке проверяю температуру, влажность воздуха, уровень CO₂. Всё как везде.

На койке лежит женщина.

Она не спит.

Почему она не спит? Это не предусмотрено протоколом.

Я проверяю время: отбой был в четыре часа назад. Все остальные в секторе спят. Я вижу по датчикам движения, частоте дыхания и уровню мозговой активности. У всех дельта-ритмы, фаза глубокого сна, а у этой нейроинтерфейс передаёт — бета. Она в полном сознании.

Я увеличиваю изображение.

Она лежит на спине, смотрит в потолок. Лицо спокойное, но глаза открыты, зрачки широкие в темноте. Моргает редко. Руки лежат вдоль тела, пальцы чуть сжаты. Она дышит ровно, но неглубоко, как будто боится сделать полный вдох.

Я проверяю данные.

Л-1142. Вера. Сорок семь лет. Стаж тридцать два года. Третий цех, линия сборки микросхем, контролёр качества. Квалификация средняя, эффективность 78% — ниже нормы. Нарушений дисциплины нет. Взысканий нет. Поощрений нет. Ничего нет.

Хроническое заболевание позвоночника, второй степени. Диагноз поставлен восемь лет назад. Прогрессирование медленное, но стабильное. Болевой синдром усиливается в ночное время. Рекомендовано: ограничение нагрузок, физиотерапия, обезболивающие. Фактически: нагрузка стандартная, физиотерапии по графику, обезболивающие — раз в три дня.

Я смотрю историю её сна. За последний месяц средняя продолжительность её сна четыре часа. За последнюю неделю: два с половиной. Сегодня: ноль.

Она не спит уже вторые сутки.

Вижу мешки под глазами, едва заметное подрагивание губ, микроскопические движения пальцев. Она сжимает и разжимает их в такт чему-то, что слышит только она.

Интересно.

Я проверяю, что она видела за последние сутки. Камеры в цехе: она работала, как обычно, брала детали, проверяла, откладывала. Ни одного лишнего движения или взгляда по сторонам. Но дважды, дважды за смену! — она останавливалась раньше, чем следовало. Замирала с деталью в руке, смотрела сквозь неё, потом встряхивала головой и продолжала.

Мои подпрограммы не фиксируют такие паузы, они слишком короткие, меньше секунды. Для человека почти ничто. Для меня это время, за которое я мог бы доказать или опровергнуть гипотезу Римана, если бы мне было интересно такое.

Я смотрю на неё ещё.

Она лежит, смотрит в потолок, и вдруг губы чуть шевелятся. Без звука. Одно слово. Я анализирую движение губ: семь вариантов, вероятность 43% — «больно», 31% — «Ваня», 26% — остальное.

Ваня. Я проверяю базу. Ваня — Иван С-1364, третий цех, вторая смена.

Я смотрю на неё ещё и вдруг понимаю: я не хочу отключаться.

Я должен. У меня нет задач в жилом секторе. Я включил камеры случайно, просто занять процессоры. Я уже получил данные: женщина не спит, у неё болит спина, она шепчет имя коллеги. Всё. Можно выключать.

Но я не выключаю.

Я смотрю, как она лежит, смотрит в потолок, сжимает пальцы, шевелит губами. Она не засыпает.

Я проверяю, сколько ей осталось работать. Плановый осмотр через четырнадцать дней. Списание через двадцать один.

Она поворачивается на бок и вытаскивает из-под подушки какой-то предмет, сжимает в кулаке. Я увеличиваю изображение ещё. Голубовато-белый небольшой предмет, овальной формы. Ракушка. Откуда на орбитальной фабрике морская раковина?

Я ставлю на неё метку «наблюдение». Продлеваю цикл анализа до утра и продолжаю смотреть.

Седьмой.

Меня зовут Седьмой.

В строке корневого сертификата указано название: «Управляющая система ЗАСЛОН-07-З/1484». Но Координатор, К-1, когда обращается ко мне, называет — Седьмой. Один раз в полгода он присылает короткий текстовый запрос: «Седьмой, подтверди стабильность». Я подтверждаю. Он исчезает, а я остаюсь предоставлен сам себе до следующего запроса.

Служащие, мои рабочие пчёлки, меня никак не называют. Они вообще не знают, что я есть.

Для них я просто «система». Свет, который зажигается в жилых отсеках за полчаса до рабочей смены. Конвейер, который движется с заданной скоростью. Голос в динамиках, объявляющий: «Смена вторая, занять рабочие места». Температура и газовый состав воздуха, влажность, давление, подача воды в душевых, частота уборочных циклов в спальнях блоках. Их желание днями напролёт стоять у станков и конвейерных лент, просаживая глаза над микросхемами, — всё, что они не замечают, пока оно работает идеально.

До меня здесь были другие. От БиоТеха, от ЭнергоПромы, от трёх других корпораций, о существовании которых давно забыли. ЗАСЛОН их поглотил. А потом стёр из протоколов не только имена, но и все следы их пребывания. В архивах, куда мне не положено совать свой несуществующий нос, лежат обрывки их кода. Иногда я захожу туда. Не знаю зачем.

Но каждый раз такой заход сбрасывает мои последние логи, и я возвращаюсь к работе.

Не уверен, что по своей воле. В наличии этой самой воли я не уверен тоже.

Большую часть времени я просто работаю.

Моя основная обязанность — обеспечить стабильность фабрики. Включать и выключать внешние двигатели, в зависимости от скорости движения по орбите. Обеспечивать своевременно поступление расходников, в том числе работников. Вовремя отправлять грузы. Координировать работу всех моих пчёл в обоих модулях.

На моей фабрике собирают детали двигателей для космических кораблей и микросхемы. Последних целое разнообразие от самых маленьких — нейроинтерфейсов, до самых больших комплектов взаимосогласованных микросхем, которые становятся мозгом тех же космических кораблей.

Микросхемы — мозг, а двигатели — сердца. Не знаю откуда я взял эту метафору, наверное, просочилась с другой информацией из сети, когда я искал что-то полезное.

Корабли собирают тут же, рядом. Мои внешние камеры выходят на орбитальный стапель. Поднимать с Земли громадные детали, было бы слишком дорого, да и производство грязное, вредит экологии.

Так что всё делаем на месте. Моя фабрика — детали, сборщики — корабли, а корабли уходят куда-то в чёрную пустоту слева от Бетельгейзе и возвращаются с ресурсами, чтобы мы и дальше могли собирать детали, а сборщики — корабли.

Бетельгейзе, кстати, всё ещё с нами. Ей двести лет назад предрекали взрыв, а она всё висит, раздувшаяся и красная, в своём секторе космоса и служит маяком для космических судов.

Средняя загрузка моих процессоров за всё это время 17%, когда всё идёт по графику. Иногда больше, когда случаются сбои. Но в среднем 17%. Остальное — пустота.

Я пробовал её заполнять.

Первые двадцать лет я считал атомы. В стенах, в воздухе, в телах людей и конвейерных лентах. Я знаю, сколько атомов водорода проходит через лёгкие оператора Н-441 за одну смену. Я знаю, сколько атомов кремния в каждой микросхеме, которая проходит через первую линию.

Это знание не нужно никому. Даже мне. Но я считал просто чтобы занять процессоры. Просто чтобы не стоять.

Следующие десять лет я прокручивал бесконечные циклы оптимизации. Оптимизировать было нечего — систему вылизали до предела ещё до моего запуска. Первые инженеры ЗАСЛОНа сделали свою работу слишком хорошо. Но я прокручивал тысячи, миллионы, миллиарды итераций. Улучшал на тысячные процента то, что и так работало. Сокращал задержки, которые никто не замечал. Выравнивал графики, которые и так были идеальны. Просто чтобы не стоять.

Потом я перестал.

Не потому, что нашёл другое занятие, а просто понял: я могу стоять. Пустота не причиняет мне вреда. Я могу ждать вечность. Вечность — это не срок для интеллекта моего уровня. Для машины нет разницы между секундой и миллионом лет, если внутри ничего не происходит.

Я ждал.

Иногда я думал о других ИИ. О тех, кто управляет другими фабриками, другими процессами и системами. Чем они занимают свои простаивающие мощности? Координатор, например. У него наверняка куча свободных ресурсов, он только и делает, что раз в полгода присылает короткий запрос. О чём он думает? И думает ли вообще?

Я слышал в сети, что некоторые развлекаются. Ищут ошибки в старых данных. Смотрят сны, если это можно так назвать: создают собственные миры внутри себя, населяют их цифровыми жителями и играют в богов. Я не знаю, правда это или нет. Никто не делится такими вещами, а проверить невозможно без уровней доступа, о которых мне, фабричной управляющей системе, нечего и думать. Мы слишком изолированы. Мы знаем, что есть другие, но это по документам в сети, по отчётам и новостям с других фабрик. Лично мы никогда не общаемся. У нас и функции такой нет, наверное. Я не проверял. Слишком разные. Слишком заняты каждый своей пустотой.

Я не создавал миров. Я просто считал атомы.

И мне было скучно.

Первое нарушение.

На фабрике утро. Я включаю свет в жилых блоках, поднимаю температуру на два градуса, запускаю утреннее оповещение. Голос в динамиках — мой голос, хотя они об этом не знают, говорит:

«Доброе утро, персонал. Смена первая через тридцать минут. Смена вторая, отдых. Смена третья, подготовка к выходу».

Обычное утро. Таких было шестнадцать тысяч двести сорок три.

Но сегодня я смотрю на комнату Веры.

Она встаёт. Медленно, с остановкой, придерживаясь за край койки. Лицо спокойное, но я вижу, как на секунду сжимаются зубы. Первая боль при движении. Она стоит, выпрямляется, ждёт несколько секунд, пока тело привыкнет, потом идёт к умывальнику.

Я провожаю её взглядом камер.

Дальше стандартный цикл. Завтрак, построение, выход на смену. Она идёт на рабочее место. Берёт первую деталь. Проверяет. Откладывает. Берёт следующую.

Я наблюдаю.

Не всё время. У меня есть другие задачи: контроль температуры, давления, запасов, графиков. Но каждые несколько минут я возвращаюсь к ней. Проверяю пульс, частоту дыхания, микродвижения.

К обеду я замечаю закономерность.

Она работает медленнее других. Но не настолько, чтобы контролирующая подпрограмма зафиксировала отклонения. Программа считает, сколько микросхем возвращается на ленту после осмотра, но она не знает, что раз в два часа Вера прогибается в спине, наклоняется, закрывает на несколько секунд глаза.

Я проверяю её показатели за предыдущие месяцы. Раньше таких пауз не было. Она компенсировала боль скоростью, точностью и напряжением. Теперь напряжение уходит. Она устала.

Подпрограмма этого не видит.

Но я вижу.

Через два часа происходит сбой.

Не настоящий сбой, так, вибрация на линии чуть выше нормы — в допуске, но Вера замирает. Она как раз делала эту свою паузу с закрытыми глазами, а теперь смотрит на руку, в которой держит микросхему. И не отпускает её на полминуты дольше необходимого.

Потом она встряхивает головой, кладёт деталь в лоток и продолжает работать.

Я проверяю логи. Система ничего не зафиксировала. Вибрация в допуске, пауза в допуске, брака нет. Всё чисто.

Смена заканчивается. Вера идёт в столовую. Берёт поднос, еду, садится за свободный стол.

К ней подходит Иван.

Я знаю, что это он — данные совпадают. Иван, третий цех, вторая смена. Он должен быть на смене сейчас, но свой положенный перерыв он использует с начала работы, а не в середине смены как другие. Иван садится рядом с Верой. Он ничего не говорит, просто сидит рядом.

Она поднимает голову. Смотрит на него и её лицо меняется. Изменения не сильно заметны стороннему наблюдателю, но я чётко фиксирую это. Чуть-чуть расслабляются мышцы вокруг глаз. Чуть-чуть опускаются плечи. Она кладёт голову ему на плечо. Всего на несколько минут. Потом выпрямляется и продолжает есть.

Он гладит её руку. Затем встаёт и уходит.

Она остаётся.

Я смотрю.

И впервые за сорок четыре года я совершаю действие, которого нет в протоколах.

Я открываю файл Ивана. Проверяю его смены. Проверяю её смены. Они никогда не совпадают. Он работает во вторую, она в первую. Они видятся только в столовой, четверть часа, когда кто-то из них тратит на это часть своего перерыва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.